МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-65

**РАЗЛОЖЕНИЕ КАРНАВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО И ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ
«СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»**

Стасенко О.П.

Томский государственный университет, студент

**DECONSTRUCTION OF CARNIVAL CULTURE IN THE WORK OF
PETER BRUEGEL THE ELDER AND IN GOGOL'S SHORT STORY
«THE FAIR AT SOROCHYNTSI»**

Stasenko O.P.

Tomsk State University, student

В статье предпринимается попытка выявить сходства в понимании карнавала в творчестве Питера Брейгеля Старшего и повести Гоголя «Сорочинская ярмарка».

Ключевые слова: Питер Брейгель Старший, Гоголь, «Сорочинская ярмарка», карнавал.

In the article an attempt is being made to identify similarities in understanding of carnival in the work of Peter Bruegel the Elder and in Gogol's short story «The Fair at Sorochyntsi».

Key words: Peter Bruegel the Elder, Gogol, «The Fair at Sorochyntsi», carnival.

Научный руководитель: Е.О. Третьяков, канд. филол. наук, доцент.

Из письма В.А. Панова К.С. Аксакову [1. С. 160] известно, что в 1840 г. Гоголь посетил Бельведер в Вене, где хранилась коллекция картин П. Брейгеля Старшего. Более ранние факты, подтверждающие знакомство Гоголя с Брейгелем, отсутствуют, однако ряд исследователей отмечали сходство их мироощущения даже в ранних текстах (например, см. [2. С. 12]). При этом существует тенденция к обращению к карнавальной эстетике при изучении ранней прозы Гоголя (М.М. Бахтин, Ю.В. Манн). В докладе предпринимается попытка выявить сходства в творческих системах Брейгеля и раннего Гоголя в аспекте разложения карнавальной культуры.

Наиболее важный признак распада народной смеховой культуры в творчестве обоих художников – это потеря целостности карнавального единства, выражающаяся в «отпадении» от праздничного мира авторов как носителей внешней точки зрения. Для «Битвы Карнавала и Поста», «Детских игр» и «Фламандских пословиц» характерна панорамная точка зрения, подчеркивающая отделенность художника от земли: происходит дистанцирование, ведущее к осознанию необходимости духовного

самостоянья. У Гоголя в «Вечерах...» аналогом возвышенной точки зрения оказывается установка на экзотическое изображение, а на локальном уровне воплощается через посредничество нарратора. Манн, комментируя фрагмент «Странное неизъяснимое чувство овладело бы зрителем...» [3. С. 97], отмечает, что здесь вводится сторонняя точка зрения повествователя, не участвующего в танце [4. С. 13]. Итак, карнавальная жизнь народа цельна как феномен, однако приобщение к ней невозможно. Сужение феномена карнавала также происходит на уровне пространственной организации. В «Битве Карнавала и Поста» праздник замкнут в границах площади: дома демаркируют пространство, образуя огороженную площадку. Бахтин говорит о карнавале как состоянии мира [5. С. 12], которому оказывается причастна и природа. Отсутствие на картине пейзажной перспективы выступает как минус-прием и демонстрирует самозамкнутость человеческого мира. В «Сорочинской ярмарке» Гоголя эффект демаркации природного и антропологического достигается через введение двух относительно самостоятельных фрагментов, опоясывающих фабульную часть. Повесть открывается пассажем, рисующим картину малороссийского лета, а завершается экспликацией нарратора и движением в иное пространство, которое имеет уже не онтологическую, но лирическую природу. В итоге сама расстановка сил, пока они не вступили в процесс смыслопорождения, у Брейгеля и Гоголя почти тождественна: человечество диссонирует с природным миром (хотя этот процесс однонаправленный), и уже зарождается конфликт индивидуальной воли и коллектива, но он не абсолютен. Однако если у Брейгеля это намеренно акцентируется, то у Гоголя только прозревается невозможность включения в хоровое единство нации.

Другой аспект бытования карнавала в произведениях Гоголя и Брейгеля – усложнение соответствующего мотивного комплекса. Так, стихийность у Брейгеля оборачивается диктатом материального над духовным. На картине «Вино на празднике Святого Мартина» народ как бы сливается в единое чудовищное тело: опьянение выступает как знак редукции индивидуальной воли, превращения в бессознательное тело. Тот же мотив единого тела представлен у Гоголя в глубоко карнавальной по своей природе зарисовке: «...весь народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит» [3. С. 80]. В логике карнавальной эстетики Гоголь изображает переизбыток жизненных сил народа, что

отражается в сравнении его с мощным водопадом, в градации звуковых характеристик, и в этом ощущается необузданность стихии, ее близость хаосу. Для Гоголя он остается хаосом созидающим, однако содержит и потенциал к деструктивности. Этот же переизбыток энергии у Брейгеля служит усилению эклектичности и фрагментарности изображения, создаваемой за счет композиционного построения.

Автоматизм человеческой жизни, который у Брейгеля становится лейтмотивом ранних работ, актуален и для Гоголя, на что указывает Манн [4. С. 12–13], комментируя фрагмент, изображающий танец старух в финале повести. Редукция индивидуальной воли оказывается важной точкой пересечения в концепциях Брейгеля и Гоголя: у первого этот мотив изначально связан с демонстрацией несвободы инфантильного мышления обывателей, а в позднем творчестве достигает апогея в картине «Вино на празднике Святого Мартина», где человек лишается возможности управлять своим телом. У Гоголя же мотив автоматизма не ограничиваются отмеченной Манном сценой. Еще в начале повести появляется надличностная сила, пресекающая интенцию Черевика обратиться к дочери и насильно привлекающая его внимание к разговору негоциантов о пшенице. Замечателен и предшествующий фрагмент с размышлениями Параски, в которых явлен образ inferнальных сил, подчиняющих себе героиню. Причем оба фрагмента относятся к главе, где герои впервые появляются на ярмарке. Другим аспектом того же мотива становится марионеточность, связанная с театральной поэтикой. В «Битве Карнавала и Поста» театральность воплощается в представлении карнавальная площади как сцены, то есть места, отделенного от пространства жизни, что противоречит самой идее карнавала. Театральность в «Сорочинской ярмарке» определяется драматическим строем отдельных фрагментов, организованных как сплошной диалогический поток с наличием минимальных «ремарок», что особенно явно в IX главе. Воздействие надличностных сил здесь представлено в комическом варианте: оно начинается с примерки Червику и Хивре маски черта, но затем трансформируется в отчуждение Солопия от собственной личности, которое воплощается в потере имени. Сомнение в метафизической природе отчуждающей силы задается сюжетом, однако в художественной логике повести каждое явление остается амбивалентным в своей принципиальной непрясненности.

Таким образом, ядерным вектором, по которому идет проблематизация карнавалыных мотивов, становится усложнение

отношений личного и общего, что отражает идейную общность авторов в осознании разложения карнавала как явления, неаутентичного времени. Однако если у Гоголя очевидна тоска по потерянному единству, попытка приобщиться к нему через создание текста, то у Брейгеля констатируется необходимость самостоятельного человека, а изображение разложения карнавала становится средством демонстрации его недостаточности.

Литература

1. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание : в 3 т. М. : ИМЛИ РАН, 2012. Т. 2. 1032 с.
2. Peace R. The Enigma of Gogol. An Examination of the Writings of N.V. Gogol and their Place in the Russian Literary Tradition. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 356 с.
3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. М. : Наука, 2003. Т. 1. 922 с.
4. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М. : Худож. лит., 1988. 413 с.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-66

ИНФЕРНАЛЬНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОТИВ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО»

Щуков Д.А.

Томский государственный университет, магистрант

INFERNAL MUSICAL MOTIVE IN N.V. GOGOL'S STORY «THE BEWITCHED PLACE»

Shchukov D.A.

Tomsk State University, master student

В статье рассматривается образно-мотивный комплекс, связанный с музыкой, в повести Н.В. Гоголя «Заколдованное место». Делается вывод о том, что сюжет гоголевской повести является символической кульминацией исполнения «инфернальной симфонии» в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», благодаря чему инфернальное становится закономерной частью человеческого бытия в художественном мире «Вечеров...».

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Заколдованное место», мотив музыки, «инфернальная симфония», инфернальный музыкальный мотив.

The article deals with the image and motif complex related to music in the story of N.V. Gogol «The Bewitched Place». It is concluded that the plot of Gogol's story is a